

Дунай (6)

А во стольнѣм во городи во Киеви
А-й у ласкова князя у Владимирера
Заводилось пированьицо-бал-почесьѣн стол,
А про тех же про князей, про бояров,
А про рускиих могучиех богатырей,
А про поленицей при(й)удалых,
И про тех же казаков со тиха Дону,
А про тех же калик перехожиех,
Перехожиех калик, переброжиех,
И про те[х] же кресьянушок прожитосьних.
Ишша солнышко катицьсе ко западу,
А ко западу катицьсе — ко закату;
А и день-то идѣт, браццы, ко вечеру,
А почесьѣн-от пир идѣт навесели.
А и все на пиру приросхвастались:
А иной-де хвастат красным золотом,
А наезник-от хвастат добрым конѣм,
А и сильней-от хвастат своей силою,
А и глупой-от хвастат молодой женой,
А неразумной-от хвастат родной сестрой,
А кабы умной-от хвастат старой матерью.
А Владимир-князь по грыдини похаживал,
Он и белыма руками помахивал,
Он собольей шубоцькой натряхивал,
Он и русыма кудрями принатряхивал,
Он злачѣныма перснями пошшѣлкивал,
А он сам говорил таковы слова:
«Уж вы ой еси, князи вы бояра,
Уж вы руськие могучие богатыри,
Ишше все же поленици при(й)удалыи,
Ишше все вы казаки со тиха Дону,
Ишше все-де калики перехожие,
Перехожие калики, переброжие,
Ишше все же хресьянушка прожитосьни!
Кабы все у нас во городи поженѣны,

А и красны-ти девушки взамуж повиданы —
А един-то Владимир я холост живу,
Я холост-де живу, нежонат слыву.
А не знает ле из вас хто мне супружницы,
А не знает ле из вас хто мне полюбовницы:
А статным-де статна была, умом сверсна,
А умом-де сверсна была, полна возраста,
А лицём-де бела — быв как белой снег,
А у ей ясны-ти очи — как у сокола,
А у ей черны-ти брови — как два соболя,
А ресницьки у ей — у сиза бобра,
А походицька была штобы повінная,
Тиха-смирная рець была лебедінная,
А ишше можно бы назвать кого кнегиною,
А ишше можно кому бы покорятисе,
Ишше было бы кому поклонятисе?»
Ой, большой-от хороницьсе за середнего,
А средней-эт хороницьсе за меньшого,
А от меншого, браццы, там ответу нет.
А говорыл князь Владимир по второй након.
Из-«з»а того из-за стола было за окольнёго,
Из-«з»а той за скамеецьки белодубовой
Выставал-де удаленькой доброй молодець,
А кабы на имя Добрынюшка Микитиць млад.
Как ставаёт Добрыня на резвы ноги,
Говорыт-то Добрыня таковы слова:
«Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!
А-й Вы позвольте-ко мне-ка слово сказать,
Не позвольте меня за слово сказнить,
За слово меня сказнить, скоро повесити!»
Говорыт-то Владимир таковы слова:
«Говоры-ко ты, Добрынюшка, тибе що надобно!»
А говорыт-то Добрыня таковы слова:
«Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!
Как не в дáлечем, далéчем во чистóм поли,
А во той во сторонушки во западной
Ишше есь у тибя там посидельшицёк,
Ишше есь у тибя там потюрёмшшицёк —
А сидит во глубоком темном подгребе

За тема за дверями за железныма
И за тема же за замками за задвижныма:
А кабы на имя Дунай сын Ивановиць.
А и скажут, Дунай много земель прошол,
А и скажут, Дунай во многих городах бывал,
А и скажут, Дунай у многих королей живал,
А и скажут, Дунай много людей видал —
А не знаёт ле он тебе супружницы,
А не знаёт ле он тебе полюбовницы?»
А ешше ети речи Владимиру прилюбилисе.
А говорыт-то Владимир таковы слова:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!
Ты бери-ко-се золоты ключи,
Ты поди-ко-се на конюшин двор,
Ты бери-выбирай сибe коня доброго,
Поежжай-ко-се ты во чисто полё,
И во ту во сторонушку во западну,
Отпирай-отмыкай ты глубок подгрёб,
Ты зови-ко-се Дунаюшка на почесьён пир
Хлеба-соли-де исть, вина с мёдом пить!»
А ишша тут-то Добрынюшка не ослышилсэ:
Ишша брал-де Добрыня златы ключи,
Пошол-де Добрыня на конюшин двор,
Он брал-де коня себе доброго,
Он поехал, Добрыня, во чисто полё,
Он во ту во сторонушку во западну.
Доежжал тут Добрыня до темного подгреба,
Отмыкал-отпирал двери железныя:
«А ус ты здрастуй, Дунаюшко сын Иванович!
Ишше Бог тибя, Дунаюшко, помиловал,
Государь тибя, Дунаюшко, пожаловал —
А зовёт князь Владимир на почесьён пир!»
А выходил тут Дунай из темного подгреба,
Выходил тут Дунаюшко на белой свет.
А садилисе ребятушка на одного коня,
А приехали ребятушка в стольне Киев-град,
Заежжали ко князю на широкой двор,
Заходили ко князю на красно крыльцо.
А идёт тут Дунаюшко на красно крыльцо,

А заходил во грьдню княженевскую —
Он ступаёт в грьдню ногой правою,
Он и крест-от кладёт по-писаному,
А он поклон-от ведёт по-учоному
А он на все на четыре кругом стороны.
Он князю Владимиру челом-де бьёт,
Он челом-де бьёт, низко кланеецсэ.
Говорит-то Владимир таковы слова:
«Приходи-ко-се, Дунаюшко, на почесьён пир;
Ишше Боґ тибя, Дунаюшко, помиловал,
Государь тибя, Дунаюшко, пожаловал:
Ишше перво те местицько подли кнезя,
А и второе место супротив кнезя,
А и третьё местицько — куды сам седёшь!»
А садилсэ Дунаюшко подли кнезя.
Подносили Дунаюшку чару зелена вина,
Не малу, не велику — полтора ведра.
А прымаицьсэ за чару Дунайко единой рукой,
Выпиваёт он чарочку к единому духу.
А подносили Дунаюшку чару по второй-де раз.
А он прималса за чарочку единой рукой,
Выпивал-де он чару к единому духу.
Подносили-де чарочку по третей раз.
Выпивал Дунай чарочку к единому духу.
А да и стал тут Дунаюшко поговаривать:
«А ишше первой-то цярой я окатил серьцё,
Ишше второй-то цярой я звеселил серцо,
Ишше третьей-то чарой я опохмелилсэ!»
Говорыт князь Владимир таковы слова:
«Уж ты, тихие Дунай сын Ивановиць!
Да и скажут, Дунай, ты много земель прошол,
Да и скажут, Дунай, ты во многих городах бывал,
А да и скажут, Дунай, у многих королей живал,
Да и скажут, Дунай, ты много людей видал —
А не знаешь ле ты где мне супружницы,
А не знаешь ле ты мне-ка любовницы:
А статным-де статна была, умом сверсна,
А умом-де сверсна была, полного возраста,
А лицём-де бела — быв как белой снег,

У ей ясны-ти очи — как у сокола,
У ей черны-ти брови — как два соболя,
А ресницьки у ей были — у сиза бобра,
А походоцька была штобы повинная,
Тиха-смирная рець была лебедінная,
Ишше можно бы назвать кого кнегиною,
Ишше можно бы кому было покорятисе,
А ишше было бы кому поклонятисе?»
Говорыт тут Дунай сын Иванович:
«А ишше есь у короля ляховинского,
Ишше есь дочь Опраксия-королевисьня.
А лицём она бела — быв как белой снег,
А умом-де сверсна, полного возраста,
А у ей ясны очи — как у сокола,
Ишше черные брови — как два соболя,
И ресницьки у ей — у сиза бобра!»
А ишше эти же речи Владимиру прилюбилисе.
Говорыт-то Владимир таковы слова:
«Уж ты, тихие Дунай сын Ивановичь!
Силы-армие бери, тебе сколько надобно
Золотой казны бери, тебе сколько надобно, —
Поежжай-ко-сь ко городу ко Ляхову
Ко тому королю ко ляховинскому,
Доставай-ко кнегинушку Опраксию!»
А говорыт тут Дунай сын Ивановичь:
«Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!
А не надобно твоя мне-ка золота казна,
И не надо твоя сила-армея!
Только дай мне два брателка названных:
Мне стары казака Илью Муромца,
Во вторых-де Добрынюшку Мекитица».
А тут седлали-уздали коней добрых:
И накладывали уздиценьки тесмянныя,
И накладывали седёлышка черкальские,
А вязали подпруги шолку белого,
Ишше белого шолку шамахинского,
А тринаццату подпругу — через хребетну кость:
«Нам не ради басы — ради крепости,
А нам ради опоры боғатырьского,

А ради поезки молодецкое!»
Только видели молоццэй — на коня скóчили,
А не видели поезки боғатырьское;
Только видели: в поли курева стоит.
Они здорово-де едут поля чистые,
Они здорово-де едут реки быстрыя —
А доехали до города до Ляхова.
А говорыт тут Дунай сын Иванович:
Уж вы ой еси, два брателка названные!
Оставайтесь-ко здесь вы по-зá городу,
Я поеду к королю ко ляховинскому.
Он добром-де дас<т> — дак я добром возьму,
А добром-де не даст — дак мы лихом возьмём!
Уж я свисну свисток вам погрóбьце же —
Вы секите тотаровей поганых,
Вы со старого секите до малого,
На оставлейте тотарину на семена!»
А поехал Дунаюшко к королю ляховинскому.
А он доехал до грьдъни королевское —
А оставляёт коня не приказана,
Не приказана коня, не привязана.
А пошол-де Дунаюшко на красно крыльцо
И заходил во грьдъню королевскую —
Он ступаёт во грьдъню ногой правою,
Он крест-от кладёт по-писаному,
Он поклон-от ведёт по-учоному:
«Уж ты здрастуй, король ляховинское!»
Говорыт тут король таковы слова:
«Уж ты здрастуй, Дунай сын Иванович!
Ишше жить ты пришол ко мне по-старому,
А и служить ты пришол ко мне по-старому?»
Говорит-то Дунаюшко сын Иванович:
«А я не жить к тебе пришол, не служить пришол,
А приехал за Праксеей-королевисьней —
А за нашего князя за Владимира!
Ты добром-де дашь — дак мы добром возьмём,
А добром ты не дашь — дак мы лихом возьмём,
Ишше силой возьмём мы боғатырьское,
А грозою увезём мы княжоневское!»

Говорыт тут король ляховинское:
«Я не дам вам дочери Апраксеи
И за вашего князя за Владимира,
За того же за конюха последнего!»
Тут выходит Дунаюшко на красно крыльцо,
А ишше свиснул Дунаюшко покрепце же.
А услышали два братилка названные,
А заежжали во город во Ляхов же —
Они секли-рубилы татаровей,
И со старого секли до малого.
А стало жалко королю ляховинскому,
А он пошол-де-ка к дочери Апраксеи:
«А уж ты скоро срежайсе, скорее того
Умывайсе водой свежо-ключавое!»
Тут заплакала Апраксея-каралевисьна;
Она скоро сряжалась, скорее того
Умывалась водой свежо-ключавое,
Утиралась полотенцем полотненым.
А садил-де Дунаюшко он к себе на коня.
Они тут с королём распростилисе,
А поехали из города из Ляхова.
Они здраво-де едут поля чистыя —
А наехали на ископыт лошадинную.
А на ископыт подпись была подписана,
А подписано было со-й угрозою:
«А хто сзади поедёт — дак живому не быть».
А загорело у Дунаюшка ретиво серцо,
А закипела во Дунае кровь горячая,
Росходилисе его могучи плеча —
А говорыт он своим брателкам названным:
«Вы везите-ко Опраксею-королевисьню,
Ишше сдайте-ко князю Владимиру!»
Посадили к Добрынюшку Микитицу,
А поехали братья они в красен Киев-град.
А поехал Дунаюшко по ископыт —
Он завидял во поле поленицю.
А увидала полениця Дуная,
А натегивала она тугой лук,
А-й клала-де стрелочку каленую —

Она стрелила в Дуная сына Ивановича:
А попала Дунаюшко во правой глаз.
Тут стреляёт Дунаюшко Ивановиць —
Он вышиб поленицу из седёлышка.
А подъезжал он к поленицы приудалое,
Слезывал-де Дунаюшко со добра коня,
А он признал Настасию-королевисьню.
Он брал ей за белые руки,
Становил он на резвые ноги,
Он и сам говорил таковы слова:
«Уж мы были во городи у вас во Ляхови,
Уж были у короля у твоёго батюшка,
Увезли сёстру-королевисьню —
А за нашего князя за Владимира!»
А говорыт Настасия-королевисьня:
«А была бы я дома у батюшка —
А не дала бы сёстры вам, королевисьны!»
А говорыт тут Дунаюшко сын Ивановиць:
«Уж ты ой еси, Настасья-королевисьня!
Мы поедём с тобой в красен Киев-град
А и ко нашему князю ко Владимиру!»
А-й на это Настасья согласиласе:
А сядились они на добрых коней,
А поехали о[а]ни в красен Киев-град,
Приезжали они в красен Киев град —
А у князя Владимира почесьён пир,
А почесьён пир-де нонь свадебной.
А заходил, Дунаюшко, на почесьён пир
Он с той же Настасьей-королевисьней.
Да и тут-то, Дунаюшко, он подвыпил же,
Он с той же Настасьей-королевисьней.
Говорыт та Настасья таковы слова:
«А я не много жила — я много видяла:
А стары-то казак тибе сильне будёт,
А стрелять-то тебя я горазне буду!»
Ишше это Дунаюшко не пондравилось.
А говорыл тут Дунаюшко таковы слова:
«Уж ты ой еси, Настасья-королевисьня!
А и поедём-ко мы с тобой во чисто полё,

А поправдаимсе мы с тобой по меточкам!»
Как сажидисе с Настасьей на добрых коней,
И поехали они во чисто полё.
И кладёт же Дунаюшко он злачён перстень,
Кладёт же Дунаюшко на буйну главу.
А как стрелила Настасья-королевисьня —
А разлетелса злачен перстень он надвоё.
Как кладёт же Настасья перстень к себе на главу.
Тут стреляет Дунаюшко сын Ивановиць:
А он первой раз стрéлил — перестрелил;
А он второй раз стрелил — не дострелил;
А он третьей раз прямо метит во белы груди.
Тут змолиласе Настасья-королевисьня:
«Уж ты тихие Дунай сын Ивановиць!
Ты прости меня, бабу глупую:
Ишше женьски-ти волосы долги же,
А и ум-то у женьшшины короткой же;
Ишше есь у мя в утробы младень же —
И засеян тобой же!»
Ишше этому Дунаюшко не поваровал,
Он стрелил прямо во белы груди —
И застрелил Настасию-королевисьню.
Тут и падала Настасья на сыру землю.
Вынимал же Дунаюшко цинжалой нож,
Он порол-де у Настасьи белы груди,
Он вынял из утроба младеня.
На лобу-то младеня подпись подписана:
«Ишше сильней-могучей был богатырь».
А ишше это Дунаюшку ведь жалко стало:
Оворацивал копьё он вострым коньцём —
А и сам на копьё закололса же!
Говорыл-де Дунай таковы слова:
«Протеки от меня, тихие Дунай-река,
От жоны от моей — кры[у]тые берега!..»

(Зап. А. Д. Григорьевым 16 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тяросова Василия Яковлевича, 55 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.